

ТЮРЕМНЫЙ ЛЕКАРЬ

Мятежная королева

The Gilded Cage

The Blood Traitor

ЛИНЕТТ НОНИ

МЯТЕЖНАЯ
КОРОЛЕВА

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
Н81

Lynette Noni
THE PRISON HEALER

Copyright © 2021 by Lynette Noni

Перевод с английского *Ксении Тринкунас*

Иллюстрация на переплете *Jim Tierney*

Нони, Линетт.

Н81 Мятежная королева / Линетт Нони ; [перевод с английского К. Тринкунас]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-160718-0

Десять лет своей жизни семнадцатилетняя Кива Меридан провела в Залиндове, самой известной и жуткой тюрьме континента, где каждый день – это борьба за выживание.

Когда в Залиндов привозят таинственную Мятежную королеву, Киве как тюремному лекарю дают задание: оберегать и лечить смертельно больную женщину, чтобы та дожидла до Ордалий – четырех испытаний стихиями, к которым приговаривают только опаснейших из преступников. И вместе с тем Кива получает послание от семьи: «Не дай ей умереть».

Понимая, что пытки воздухом, огнем, водой и землей убьют больную мятежницу, Кива вызывается участвовать в Ордалиях вместо нее. Если девушка преуспеет, то и она, и королева вновь обретут свободу. Но все Ордалии еще не переживал никто...

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Тринкунас К.Ю., перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160718-0

Саре Дж. Маас —

спасибо за твою щедрую дружбу, помощь и поддержку.

Но главное, спасибо за то, что верила в меня,
даже (и особенно) когда я в себя не верила.

ПРОЛОГ

С сумраком пришла смерть.

Возле реки девочка вместе с младшим братом собирали ягоды осозники, а их отец, присев у кромки ледяной воды, пополнял запасы листьев алоэ. Судя по всему, успокаивающий гель им потом очень пригодится: шипы растений исцарапали девочке всю кожу. Но за мыслями о предстоящем ужине она едва замечала боль. Ее мама делала лучшее осозничное варенье на всем Вендероле, и девочка уже сейчас знала, что эта партия будет невероятно вкусной: когда небо венчает луна, серебристые ягоды на вкус слаще всего. Еще бы брат не уминал их за обе щеки, тогда бы они наконец отнесли ягоды матери и сполна насладилась плодами своего труда.

Они едва заполнили половину корзинки, когда тихий ночной воздух рассек первый крик.

Девочка с братом замерли; он раскрыл рот, измазанный серебристым соком, она беспокойно нахмурилась. Девочка перевела взгляд изумрудных глаз на отца, стоявшего возле студенной реки с огромной охапкой алоэ в руках. Тот смотрел не на мшистые растения, а на маленький домик на вершине холма. Кровь отлила у него от лица.

— Папа, что...

— Тихо, Керрин, — шикнул мужчина на сына, бросив алоэ и подбежав к детям. — Наверное, это просто Торелл с Зуликкой играют, но давайте лучше проверим...

Что бы он ни собирался сказать об их старших брате и сестре, его прервал еще один крик и жуткий грохот, который было слышно даже внизу у реки.

— Папа... — проговорила на этот раз девочка, подскочив, когда отец вырвал у нее корзинку и мертвой хваткой сжал руку. Ягоды разлетелись вокруг. Не успела девочка продолжить, как раздался пронзительный вопль ее матери:

— Беги, Фаран! Беги!

Отец так сильно сдавил ее ладонь в своей, что девочке стало больно, но последовать приказу жены ему уже не удалось. Из дома выбежали солдаты с обнаженными мечами, и даже в скудном лунном свете их доспехи отливали серебром.

Десяток, не меньше.

Много.

Слишком много.

Сквозь колючие кусты девочка дотянулась до дрожащей руки брата, липкой от сока осозники. Они в ловушке, бежать было некуда: позади — только ледяная река, слишком быстрая и глубокая, чтобы ее пересечь.

— Все хорошо, — надтреснутым голосом успокаивал их отец, пока приближались солдаты. — Все будет хорошо.

А потом их окружили.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Взглянув на мальчика, привязанного к металлической кушетке перед ней, Кива Меридан наклонилась и прошептала:

– Вдохни поглубже.

Он и моргнуть не успел, как она обхватила его запястье и вонзила кончик добела раскаленного лезвия в тыльную сторону его ладони. Мальчишка закричал и попытался ударить ее – все они пытались, – но Кива только крепче сжала его руку, продолжая вырезать на коже два полукруга, складывающихся в букву «З».

Одна-единственная буква – метка, что теперь он узник Залиндова.

Рана заживет, но шрам останется навсегда.

Кива старалась закончить как можно быстрее и ослабила хватку лишь после того, как полностью вырезала метку. Она едва удержалась, чтобы не сказать мальчику, что худшее позади. Даже подростки умеют отличать ложь от правды. С сегодняшнего дня он принадлежал Залиндову, и на металлическом браслете у него на запястье было выведено его новое имя – заключенный X67Л129. Будущее не готовило ему ничего хорошего, и врать об этом не имело смысла.

Кива намазала его кровоточащую ладонь соком баллико, чтобы туда не попала инфекция, и присыпала сверху пеплом корнеперца, чтобы приглушить боль, а потом обернула лоскутом ткани. Тихо велела три дня не мочить и держать в чистоте, хотя прекрасно знала: если мальчишку определяют в тоннели, или на фермы, или на каменоломню, это будет попросту невозможно.

— Сиди смирно, я почти закончила.

Кива сменила лезвие на ножницы. Они были покрыты ржавчиной, но их острые края вполне могли прорезать и сталь.

Мальчишка весь затрясся, побледнел, зрачки расширились от страха.

Кива не стала его успокаивать, тем более что в дверях лазарета стояла вооруженная женщина и пристально следила за каждым ее движением. Обычно Киве давали хоть немного уединиться, и она могла спокойно работать вдали от холодных бдительных взоров надзирателей. Но после мятежа на прошлой неделе стража была на взводе и не спускала ни с кого глаз — даже с арестантов вроде Кивы, которая преданно служила смотрителю Залиндова и доносила на других заключенных. Была информатором. Шпионом.

Никто не ненавидел Киву больше нее самой, и все же, какой бы ни была цена, она не позволяла себе жалеть о своем выборе.

Мальчишка захныкал, но Кива, не обращая на него внимания, принялась резкими короткими движениями обрезать ему волосы. Она вспомнила, как десятью годами ранее ее саму привезли в тюрьму; вспомнила унижительный процесс раздевания, отмывания, стрижки. Из лазарета Кива тогда вышла с покрасневшей кожей и без волос, из вещей — только колючая серая рубаха и такие же штаны. Несмотря на все, что ей пришлось пережить в Залиндове, первые часы позора остались для нее худшими. Шрам на руке отозвался на воспоминания резкой болью, и Кива перевела взгляд на свой браслет с идентификационным номером. На металле было выгравировано H18K442 — вечное напоминание, что она никто и ничто, что стоит ей сделать шаг в сторону или даже посмотреть не на того человека не в то время, и ей грозила смерть.

Залиндов не щадил никого, даже невиновных.

Особенно невиновных.

Когда Киву привезли сюда, ей едва исполнилось семь — и все же возраст не уберег ее от жестокости тюремной жизни. Она лучше иных знала, что дни ее сочтены. В Залиндове никто не выживает. Рано или поздно она примкнет к тысячам погибшим до нее.

Кива прекрасно осознавала, что ей еще сравнительно повезло. Заключение, которых определяли на тяжелые работы, редко протягивали больше шести месяцев. От силы год. Киву же столь изнурительная работа обошла стороной. В первые недели ее отправили в приемный блок сортировать одежду и вещи новых заключенных. Потом из-за вспышки болезни, унесшей сотни жизней, освободилась другая позиция, и Киву отправили работать в мастерскую, чистить и подшивать форму надзирателей. Пальцы у нее кровоточили и покрылись мозолями из-за бесконечных стирок и шитья, но даже тогда в сравнении с другими ей было не на что жаловаться.

Кива с ужасом ждала, когда же ее велют перевести на каюту, но приказ так и не поступил. Вместо этого она попала в лазарет: ее назначили туда после того, как она спасла одного из надзирателей, посоветовав ему припарку от заражения крови, которую бесчисленное множество раз делал ее отец. Спустя два года единственного напарника Кивы по лазарету казнили — он распространял среди сломленных заключенных ангельскую пыль. Тогда двенадцатилетнюю Киву и назначили на его должность. В числе новых обязанностей было и вырезание метки Залиндова на коже новоприбывших, и надо сказать, она по сей день ненавидела это делать. Однако Кива знала, что откажись она — и гнев надзирателей падет не только на нее, но и на новых заключенных. Она очень быстро это уяснила, а шрамы на спине постоянно ей об этом напоминали. Киву бы до смерти засекли розгами, будь в то время в тюрьме хоть один человек ей на замену. Сейчас же, однако, на ее место быстро бы нашли кого-нибудь еще.

Она всего лишь расходный материал, как и все остальные узники Залиндова.

Волосы мальчишки торчали беспорядочными клоچьями, когда Кива наконец отложила ножницы и потянулась за бритвой. Иногда хватало срезать самые спутанные пряди, а иногда волосы новоприбывших сбивались в кишасщие вшами колтунны, и проще было сбрить все подчистую, чем потом спасать тюрьму от нашествия этих маленьких тварей.

— Не волнуйся, они потом отрастут, — мягко проговорила Кива, вспоминая собственные волосы, черные как ночь, которые точно так же сбрили в первый день и которые теперь спадали ей на спину.

Но несмотря на ее попытку успокоить мальчика, тот продолжал дрожать, и Киве приходилось быть предельно аккуратной, чтобы случайно не задеть его бритвой.

Ей хотелось рассказать, что его ждет за стенами лазарета, но даже если бы надзирательница в дверях не сверлила ее взглядом, Кива знала, что не ей этим заниматься. Всем новоприбывшим на первые дни назначали в наставники другого заключенного, чтобы тот рассказал им о Залиндове, предупредил обо всех опасностях и пояснил, как выжить в этом месте. Если, конечно, новый узник того хотел. Некоторые желали только умереть — они потеряли всякую надежду еще до того, как прошли через железные ворота и оказались среди бездушных известняковых стен.

Кива надеялась, что мальчик еще не сдался. Ему понадобятся силы, чтобы пережить то, что его ждет.

— Готово. — Кива опустила бритву и отступила на шаг, чтобы осмотреть мальчика. Лысым, с широко распахнутыми глазами, впалыми щеками и торчащими ушами он выглядел гораздо младше. — Ну что, не так страшно, как казалось?

Он посмотрел на Киву так, точно она вот-вот переберет ему горло. Она привыкла к этому взгляду, тем более от новеньких. Они пока не знали, что Кива одна из них, такая же рабыня прихотей Залиндова. Если мальчик не умрет сразу, он еще вернется в лазарет и поймет, что Кива на самом деле на его стороне и всеми силами будет стараться ему помочь. Так же, как она старалась помочь всем остальным.

— Закончили? — раздался со стороны двери голос надзирательницы.

Кива сжала в руках бритву, но тут же заставила себя расслабить пальцы. Не хватало еще, чтобы надзиратели учуяли в ней искру бунтарства.

Кива была безучастна и покорна. Только так она могла выжить.

Многие над ней за это глумились, особенно те, кто в ее помощи не нуждался. Одни звали ее залиндовской сукой. Другие шипели вслед: «Бессердечная резчица». Но худшим из ее прозвищ было, пожалуй, «принцесса смерти». Кива не могла их винить, и именно поэтому их слова ранили глубже всего. Ведь, по правде говоря, многие прибывшие в лазарет обратно уже не возвращались, и винить в этом можно было лишь Киву.

— Лекарь? — снова напомнила о себе надзирательница, на этот раз настойчивее. — Ты закончила?

Кива коротко кивнула, и вооруженная женщина, покинув пост у двери, вошла в комнату.

Надзирательницы в Залиндове встречались нечасто. На каждых двадцать мужчин приходилась, наверное, всего одна женщина, да и те редко задерживались в тюрьме надолго. Эта надзирательница появилась здесь совсем недавно, Кива впервые встретила ее всего несколько дней назад и сразу же обратила внимание на наблюдательные янтарные глаза, столь холодно и бесстрастно взирающие с молодого лица. Кожа у нее была на пару оттенков светлее чернейшего из черных — скорее всего, женщина родом откуда-нибудь из Джиирвы или Хадриса, что славилась умелыми воинами. Стрижена очень коротко, почти наголо, а с одного уха свисала нефритовая сережка в форме клыка. Не очень-то умно — вдруг кто-нибудь попробует ее оторвать? Впрочем, надзирательница держалась со спокойной уверенностью, а ее форма — кожаная куртка с длинными рукавами, штаны, перчатки и сапоги — едва ли скрывала крепкие мышцы. Вряд ли какой заключенный рискнет связаться с этой молодой женщиной, а если такой смельчак и найдется, то поездка в морг ему обеспечена.

Кива тяжело сглотнула и уступила дорогу надзирательнице, напоследок ободряюще сжав плечо мальчика. Тот дернулся так резко, что Кива мгновенно об этом пожалела.

— А я... — Кива заметила кучу одежды, которую носил мальчик до того, как переоделся в серую тюремную форму, — я отнесу его одежду в приемный блок на сортировку.

На этот раз кивнула надзирательница и, остановив взгляд янтарных глаз на мальчишке, приказала ему:

– Пошли.

Воздух пронзил запах страха, когда паренек поднялся на дрожащих ногах, накрыл раненую ладонь целой и вслед за надзирательницей вышел из лазарета.

Он не оглянулся.

Они никогда не оглядывались.

Убедившись, что она осталась одна, Кива подошла к одежде. Она двигалась быстро, четко, но в ее движениях чувствовалась лихорадочная спешка, а глаза то и дело бегали к двери и обратно. Она знала: если ее поймают, можно проститься с жизнью. У зрителя хватало других доносчиков; может, Кива ему и нравилась, но от наказания или даже казни это ее не уберезет.

Наморщив нос от неприятных запахов долгого путешествия и потного грязного тела, она принялась рыться в одежде. Ее руки коснулось что-то мокрое, но Кива решила не проверять, грязь это, плесень или что похуже. Она что-то искала. Искала, искала, искала...

Пробежавшись пальцами по штанам мальчишка и ничего не найдя, Кива перешла к заношенной льняной рубашке, местами порванной, местами залатанной. Осмотрела каждый шов, но безрезультатно. Она уже начала отчаиваться, когда вдруг в потрепанных сапогах обнаружила то, что искала. Из рваного шва левого сапога выскользнула маленькая сложенная пергаментная бумажка.

Дрожащими пальцами Кива развернула ее и прочитала зашифрованную надпись:

☒ □ 卐 Ꞥ||<,⊗∧△≡.

∩⊂≡<≡∩∩ ∨≡∩⊂⊗.

☒ □ Ꞥ<,∩∧≡☒.

Кива шумно выдохнула и облегченно расправила плечи, молча переводя выведенные на листе слова: «Мы в порядке. Береги себя. Мы придем».

Три месяца она не получала от семьи ни слова. Три месяца она проверяла одежду новых, ничего не подозревающих узников, надеясь на любую весточку из внешнего мира. Только благодаря доброте конюха, Разза, у Кивы имелся способ связаться с родными. Он рисковал своей жизнью, чтобы передать записки через залиндовские стены, и, несмотря на их краткость и редкость, для Кивы они значили невероятно много.

«Мы в порядке. Береги себя. Мы придем».

Такие послания присылали время от времени на протяжении десяти лет — и каждый раз именно тогда, когда Кива нуждалась в них острее всего.

«Мы в порядке. Береги себя. Мы придем».

«Береги себя». Проще сказать, чем сделать, но Кива старалась как могла, ведь она знала: однажды ее семья выполнит свое обещание и придет за ней. Сколько бы раз они ни писали одни и те же слова, сколько бы она ни ждала, эти послания спасали ее, и она из раза в раз прокручивала их в голове: «Мы придем. Мы придем. Мы придем».

Наступит день, и они снова будут вместе. Наступит день, и Кива вырвется из пут Залиндова, сбросит оковы узницы.

Десять лет она ждала этого дня.

Но с каждой неделей ее надежда угасала на глазах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Он, как и многие другие, по прибытии был весь покрыт кровью и похож на саму смерть.

Прошел месяц с тех пор, как в Залиндов в последний раз привозили новых узников; месяц с тех пор, как Киве пришлось вырезать букву «З» на чьей-то коже. За это время работы было немного: обычные для тюрьмы повреждения да вспышка тоннельной лихорадки, от которой одни уже умерли, а многие другие мечтали о смерти, пока дожидались выздоровления.

Сегодня же...

Трое новых заключенных.

Все они — мужчины.

По слухам, все трое прибыли из Валлени, столицы Эвалона, самого крупного королевства на всем Вендероле.

Зимой фургоны приезжали нечасто, тем более с юга, где находился и Эвалон. Обычно заключенных из дальних стран держали в городских темницах или деревенских карцерах до весенней оттепели, чтобы они не погибли за несколько недель пути. Порой даже не всякому надзирателю удавалось пережить путешествие через пустыню Белхар или горы Танестра, особенно если портилась погода и разражалась буря. А фургонам из Валлени предстояло пересечь также Необузданный луг и Бесщадные топи, а потом пройти через сердце Стенающих чащоб — путь и без того изнурительный, тем более если надзиратели попадутся жестокие.

Но откуда и когда бы ни приезжали новые заключенные — зимой, весной, летом или осенью, — дорогу к Залиндову ни-

когда нельзя было назвать безопасной. Тюрьма лежала к северу от Эвалона, неподалеку от границ Мирравена и Карамора, и от любого королевства Вендерола путь предстоял тяжелый. И все же восемь королевств ссылали в Залиндов самых непокорных подданных со всех уголков континента, и их мало заботило, переживут ли те путешествие.

Вот и сейчас из трех узников, доставленных от главных ворот напрямиком в лазарет, внимания Кивы требовал лишь один: остальные двое уже отошли в вечный мир. Их бледные, окостеневшие тела еще не пахли разложением — видимо, они скончались совсем недавно, — но особой разницы это не имело. Их уже не вернуть, они мертвы.

Что же до третьего... На удивление, у него еще прощупывался пульс, пусть и совсем слабый.

Глядя на мужчину сверху вниз, Кива гадала, продержится ли он хотя бы час.

Стараясь не обращать внимания на два трупа, распростертых на металлических кушетках справа, Кива осмотрела живого узника, прикидывая, с чего начать. Его точно следовало отмыть, причем не только из-за грязи, но и потому что Кива не могла понять, сколько крови на самом деле принадлежало мужчине и был ли он ранен.

Размяв плечи, Кива закатала потрепанные рукава и поморщилась, когда грубая серая ткань коснулась еще не зажившей кожи на правом предплечье. Она не позволяла себе думать о том, что бы с ней сделали надзиратели три ночи назад, если бы ей на помощь не пришла новая тюремщица, та самая молодая женщина с внимательными янтарными глазами.

Кива до сих пор не имела ни малейшего понятия, почему тюремщица вмешалась и пригрозила, что смотритель будет недоволен. Надзиратели были не дураки. Они знали: пусть смотритель и держит Залиндов в ежовых рукавицах, ему не по душе, когда тюремщики злоупотребляют данной им властью. И все же их это не останавливало. Они по-прежнему издевались над заключенными, стараясь разве что не попадаться на этом.

А в янтарных глазах новой надзирательницы до сих пор теплилась искра чести, искра *жизни*, которая обычно исчезала в первые же недели работы в тюрьме, уступая место горькой неприязни. Других догадок, почему женщина вмешалась, у Кивы не нашлось. И все же, несмотря на всю свою благодарность, Кива теперь чувствовала себя обязанной перед янтарноглазой надзирательницей, а в Залиндове это никогда не приводило ни к чему хорошему.

Заглушив тревожные мысли, Кива сходила за деревянной бадьей со свежей водой и вернулась к мужчине. Затем принялась осторожно и тщательно смывать грязь и кровь, слой за слоем снимая изорванную в клочья одежду.

«Помни, мышонки: не существует двух одинаковых людей, мы все красивы по-своему. Человеческое тело – это шедевр, который заслуживает уважения. Во все времена».

Кива резко втянула воздух, когда в голове раздался голос отца. Она уже очень давно не вспоминала детство, давно не слышала, чтобы ее называли мышонком – это прозвище Кива получила, потому что ребенком громко пищала от испуга, – и давно не чувствовала, как глаза обжигают горячие слезы.

«Хватит, – одернула себя она, – не надо об этом думать».

Кива глубоко вдохнула, дала себе три секунды, чтобы справиться с эмоциями, и решительно вернулась к делу. Сердце ныло от шепота воспоминаний о мягких отцовских указаниях, а мысли то и дело невольно возвращались к тем дням в отцовском кабинете, когда Кива помогала местным, пришедшим то с одним, то с другим недугом. Сколько она себя помнила, Кива всегда была рядом с отцом – носила воду, рвала на полоски ткани, а когда стала постарше, ей начали доверять и стерилизацию лезвий, не опасаясь, что она случайно поранится. Из всех своих братьев и сестер Кива единственная унаследовала отцовскую страсть к целительству, единственная хотела облегчать чужие страдания.

И теперь она собиралась резать чужую плоть.

У нее закололо бедро. Кива не стала обращать на него внимания.

Сжав зубы, она заглушила воспоминания и сосредоточилась на последних обрывках одежды на узнике; скоро на нем осталось только нижнее белье. Киву нагота не смущала. Она смотрела на мужчину глазами лекаря, сугубо определяя повреждения на теле. Подсознательно Кива могла бы восхищаться и его подтянутой фигурой, и медовой кожей под пока не смытой кровью. Но ее не волновало, откуда у него такое здоровое тело — и за что же мужчина попал в Залиндов, — она боялась, что его ждет, когда он проснется. Судя по рельефу мышц, мужчина был силен, а это могло привлечь ненужное внимание и привести к наихудшему распределению.

Быть может, все-таки будет лучше, если он не проснется.

Ругая себя за подобные мысли, Кива с двойным усердием принялась отмывать мужчину, помня, что за каждым ее движением, как и всегда, следит надзиратель. Сегодня в дверях стоял Мясник, сменивший на посту Кость. На самом деле надзирателей звали иначе, но у заключенных имелись веские причины для подобных прозвищ. Мясника редко когда видели вне Бездны, штрафного изолятора у северо-восточной стены. Его прозвище служило одновременно предупреждением и обещанием для всех, кому не посчастливилось туда попасть, ведь мало кто возвращался назад. Кость на тюремных территориях видели чаще — он нередко ходил по известняковым стенам с арбалетом на плече или дежурил на сторожевой башне. Его боялись меньше, чем Мясника, но из-за его пристрастия ни с того ни с сего ломать заключенным кости Кива предпочитала держаться от него подальше.

В лазарете эти безжалостные мужчины обычно не дежурили, но в последнее время в тюрьме стало беспокойно: кусачая зимняя стужа сильнее обычного измотала заключенных. Ежедневный рацион из-за постоянных холодов стал как никогда скудным: растения побил сильный мороз, приходилось ограничиваться тем, что выращивали узники на фермах. Когда они не укладывались в дневную норму — а они не укладывались в норму уже много недель — им доставалось даже

больше, чем другим: на их долю выпадал не только голод, но и гнев приставленных надзирателей.

Зима в Залиндове была неумолима. Каждое время года в Залиндове было неумолимо, но зима особенно тяжело сказывалась на заключенных — уж кому об этом знать, как не Киве, которая провела в тюрьме десять лет. Она слишком хорошо понимала, что два лежащих возле нее трупа не первые и не последние на этой неделе, а уж сколько еще заключенных окажется в крематории до конца зимы — не сосчитать.

Стерев последние капли крови с груди мужчины, Кива вновь внимательно его осмотрела. На животе обнаружился огромный синяк, расцветший калейдоскопом красок — судя по всему, на пути из Валлени его избивали, причем не раз и не два. Впрочем, аккуратно прощупав это место, Кива убедилась, что обошлось без внутренних повреждений. Имелось и несколько более глубоких ран, но не настолько серьезных, чтобы мужчина весь был в крови. У Кивы отлегло от сердца: похоже, самые тяжелые ранения выпали на долю его погибших спутников, и возможно даже, он пытался их спасти и остановить кровотечение, хоть и тщетно.

Или же... именно он их и убил.

Не все узники Залиндова были безгрешны.

Большинство не было.

Кива перевела взгляд на лицо мужчины; пальцы у нее слегка дрожали. Она всегда сначала проверяла жизненно важные органы, поэтому лицо нового узника все еще покрывали кровь и грязь, мешавшие разглядеть черты лица.

Когда-то Кива бы начала с головы, но она уже давным-давно пришла к выводу, что с повреждениями мозга мало что можно сделать. Поэтому она предпочитала сосредоточиться на других травмах и надеяться, что пациент проснется в своем уме.

Закусив губу, Кива переводила взгляд с грязного лица мужчины на такую же грязную воду в бадье и размышляла. Ей ни за что в жизни не хотелось просить о чем-то Мясника, но без чистой воды работа встанет — ей предстояло не только умыть

мужчину и вымыть ему голову, но и тщательно прочистить раны, прежде чем она возьмется их зашивать.

«Пациент всегда должен быть для тебя на первом месте, мышонок. Его нужды неизменно превыше твоих».

Кива тихо выдохнула, вновь вспомнив отцовский голос, но на этот раз боль на сердце казалась почти приятной, словно отец стоял прямо здесь, рядом с ней, шептал ей на ухо.

Она знала, как бы он поступил на ее месте, и поэтому подняла бадью и развернулась к двери. Поймала взгляд бледных глаз Мясника, увидела мрачное ожидание на его красноватом лице.

— Мне нужна во... — тихо начала Кива, но ее прервали прежде, чем она смогла закончить.

— Вас просят вернуться в изолятор. — За спиной Мясника появилась надзирательница с янтарными глазами, и мужчина повернулся к ней. — Я подменю вас на посту.

Не говоря ни слова, Мясник поглядел на Киву со злобщей ухмылкой, от которой у той по спине пробежал холодок, развернулся на каблуках и вышел из лазарета, хрустя гравием под ногами.

Киве хотелось умыться, соскрести с себя его прощальный взгляд, но вода у нее в руках была слишком грязной. Она убрала за ухо прядь волос, чтобы скрыть беспокойство, а когда подняла глаза, заметила, что янтарноглазая надзирательница смотрит прямо на нее.

— Мне нужна свежая вода, — повторила Кива. Женщину она боялась меньше, чем Мясника, но все равно говорила тихо, чтобы не показаться слишком строптивой.

— А где мальчик? — спросила надзирательница. Кива посмотрела на нее недоуменно, и та разъяснила: — Рыжеволосый, заикается еще. Который тебе помогает... — она обвела рукой в перчатке комнату, — вот с этим всем.

— Типп? — догадалась Кива. — Его на зиму на кухни послали. Там руки нужнее.

По правде говоря, учитывая недавнюю вспышку тоннельной лихорадки, Киве бы не помешала помощь Типпа с карантинными пациентами. Тем более что двое заключенных, ра-

ботавших вместе с ней в лазарете, слишком переживали за свое здоровье и старались держаться от больных подальше. Из-за них Кива была настолько загружена работой, что все время, не считая нескольких скудных часов сна, проводила в лазарете, единолично ухаживая за бесчисленными заключенными Залиндова. Даже зимой, когда новых узников практически не поступало, работа была не из легких. А с приходом весны вдобавок к постоянным недугам пациентов ей придется в одиночку вырезать на руках одну за другой метки Залиндова. Но по крайней мере к ней вернется Типш, а с ним Киве станет полегче, пусть даже вся его помощь и заключалась в перестилании кроватей да поддержании чистоты в этой заведомо нестерильной среде.

Однако сейчас у Кивы помощников не было. Она работала совсем одна.

Надзирательница с янтарными глазами, похоже, всерьез задумалась над словами Кивы, оглядывая помещение. Ее взгляду предстали полубогаженный мужчина с грязным лицом и ужасными синяками, два мертвеца и полное ведро грязной воды.

— Жди здесь, — наконец приказала она.

И вышла из лазарета.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кива не смела двинуться с места, пока несколько минут спустя надзирательница не вернулась. С собой она привела мальчика. Как только тот увидел Киву, его забрызганное веснушками лицо просветлело, и он расплылся в широкой шерботой улыбке.

С ярко-рыжими волосами и огромными синими глазами, Типп напоминал горящую свечку. Он и по характеру походил на свечу: чуть ли не пылал от переполнявших его эмоций. Ему было всего одиннадцать, и казалось, ничто в этом мире не могло его расстроить. Неважно, сколько насмешек и невзгод обрушивалось на него каждый день, — куда бы Типп ни пошел, он всегда носил внутри свет, всегда находил доброе слово или ласковый жест для нуждающихся. Даже с надзирателями он был приветлив, хотя те нередко вели себя с ним грубо и нетерпеливо.

Кива никогда не встречала никого похожего на Типпа, тем более в Залиндове.

— К-к-кива! — Типп бросился к ней. На мгновение Киве показалось, что мальчик собирается ее обнять — как будто они несколько лет не виделись, хотя встречались всего пару дней назад, — но в последнюю секунду он передумал, увидев, как скованно Кива держится. — Я н-не знал, зачем Наари меня сюда в-в-ведет! Я за-за-за... — Типп поморщился и решил попробовать другое слово: — Я и-испугался.

Кива взглянула на надзирательницу. Ее даже не удивляло, что дружелюбный Типп знал ее имя. Наари. Зато теперь Киве не придется больше называть ее про себя янтарноглазой женщиной.

— Лекарю нужна помощь, мальчик, — скучающим голосом отозвалась Наари. — Принеси ей свежей воды.

— Сейчас! — охотно воскликнул угловатый мальчишка и кинулся к бадье. На мгновение Кива испугалась, что грязная вода с кровью окажется на полу лазарета, но не успела она попросить Типпа быть осторожнее, как тот уже исчез со своей ношей за дверью.

В комнате повисла неловкая тишина, пока в конце концов Кива не откашлялась и не пробормотала:

— Спасибо. В смысле, за то, что привели Типпа.

Надзирательница — Наари — коротко кивнула.

— И за... помощь той ночью, — тихо добавила Кива. Она не взглянула на свежие ожоги на руке, не стала упоминать, что развлечься с ней решили именно надзиратели.

Это был не первый раз.

И даже не худший.

Но она все равно была благодарна, что тюремщица вмешалась.

Наари снова кивнула, и по ее отрывистому движению Кива сообразила, что лучше не продолжать. Но вот что странно: теперь, когда Кива знала имя надзирательницы, она не чувствовала прежней тревоги, прежнего... страха.

«Осторожно, мышонок».

Кива не нуждалась в отголосках отцовских предупреждений. В руках Наари покоилась власть над жизнью и смертью — жизнью и смерти Кивы. Она была надзирательницей Залиндова, настоящим оружием, смертью во плоти.

Мысленно пнув себя, Кива вернулась к выжившему мужчине и нащупала его пульс. Все еще слабый, но уже лучше, чем прежде.

От колодца Типп вернулся почти мгновенно, таща деревянную бадью, до краев наполненную свежей и чистой водой.

Когда Кива начала бережно отмывать лицо живого мужчины, Типп указал на двух мертвецов.

— А с ними что-то случилось?

— Я не уверена. — Кива кинула быстрый взгляд на Наари, чтобы понять, как та отреагирует на их разговор. Надзира-

тельница выглядела безучастной, поэтому Кива продолжила: — Но вот этот был весь покрыт их кровью.

Типп задумчиво взгляделся в мужчину.

— Думаешь, это он с-делал?

Кива сполоснула тряпку и вернулась к слоям грязи.

— А какая разница? Кто-то думает, что он что-то сделал, иначе бы он здесь не оказался.

— Х-хорошая вышла бы история.

Типп кинулся к деревянному лабораторному столу со шкафом и принялся собирать вещи, которые потом понадобятся Киве. При виде его заботы она просветлела, но прежде чем Типп обернулся, Кива напустила на себя безразличие.

В Залиндове опасно к кому-либо привязываться. Чем сильнее ты к кому-то привязываешься, тем больнее потом будет.

— Уверена, у тебя бы история вышла хорошей, даже если на самом деле она не очень. — Кива наконец-то перешла к волосам мужчины.

— Мама г-говорила, что когда-нибудь я стану б-б-бардом, — улыбнулся Типп.

Тряпка дрогнула в руках Кивы, сердце стиснула боль: она впервые за три года вспомнила мать Типпа, Инеке. Ту обвинили в краже драгоценностей у аристократки и отправили в Залиндов, а восьмилетний Типп никак не хотел отпускать ее юбки, так что его кинули в фургон вместе с матерью. Шесть месяцев спустя Инеке порезалась во время работы на бойне, но надзиратели не отпускали ее в лазарет, пока не стало слишком поздно. Инфекция уже добралась до сердца, и через несколько дней Инеке умерла.

В ту ночь Кива долго прижимала Типпа к себе, пока он тихими слезами заливал ей одежду.

На следующий день этот маленький мальчик с красными глазами и опухшим от слез лицом произнес только шесть слов: «Она бы х-хотела, чтобы я жил».

И он жил. Всем своим естеством Типп *жил*.

Кива ни разу не сомневалась, что он будет жить и дальше — где-нибудь за стенами Залиндова. Когда-нибудь.

Мечтают только глупцы. И Кива была глупейшей из них.

Снова повернувшись к мужчине перед ней, Кива медленно распутала его грязные волосы. Они оказались не слишком длинными, что значительно облегчало дело, и при этом не слишком короткими. Кива внимательно их осмотрела, размышляя, стоит ли их сбривать. Но на голове у мужчины не было ни следа паразитов, и когда Кива смыла кровь и грязь, а волосы начали подсыхать, стало видно, что они насыщенно-золотого цвета — где-то между русым и каштановым — и на ощупь как шелк.

Здоровые волосы, здоровое тело. И то, и другое у новых заключенных встречалось редко.

Кива снова задалась вопросом, какую жизнь вел этот мужчина и как эта жизнь довела его до такого.

— Ты же н-не упадешь в обморок? — Типп вылез у Кивы из-под локтя с костяной иглой и мотком кетгута¹ в руке.

— Что?

Типп кивком указал на мужчину.

— В обморок. Из-за того, к-как он выглядит.

Кива нахмурилась.

— Как он... — Ее взгляд метнулся к его лицу, и впервые за день она обратила внимание на его внешность. — О. — Кива нахмурилась еще сильнее и ответила: — Нет, конечно, не упаду.

Губы Типпа дрогнули.

— Даже если и уп-п-падешь, ничего страшного. Я тебя поймаю.

Пронзив его взглядом, Кива уже собиралась было ответить, но не успела она и слова сказать, как рядом с ними бесшумно возникла Наари.

Кива не сдержала тихого писка от неожиданности, но наблюдательница не отрывала взгляда от мужчины на металлической кушетке.

Нет, не мужчины. Теперь, когда Кива отмыла его от грязи и крови, она увидела, что он еще не взрослый. Но уже и

¹ К е т г у т — шовный материал из кишечника крупного рогатого скота. (Здесь и далее прим. пер.)

не мальчик. Ему было, может быть, лет восемнадцать или девятнадцать — выглядел он примерно на год-два старше Кивы.

Наари продолжала на него пялиться, и Кива тоже оглядела юношу. Высокий лоб, прямой нос, длинные ресницы... Любый художник пришел бы в восторг от этих черт лица. Над левым глазом у него адела глубокая рана в форме полумесяца, которую требовалось зашить — скорее всего, на медовой коже потом останется бледный шрам. Но в остальном его лицо было безупречно. В отличие от всего остального тела, которое Кива успела оглядеть, пока мыла юношу. Его спину крест-накрест покрывали шрамы, похожие на шрамы Кивы и любого другого узника, пережившего хотя бы одну порку. Но, судя по всему, пороли его не кошкой-девятихвосткой¹, и Кива не знала плети, которая бы оставляла на коже подобные рубцы. Однако больше всего истерзана была спина, на других частях тела виднелось лишь несколько шрамов, не считая, конечно, свежих ран, полученных на пути в Залиндов.

— А вы в обморок н-не упадете, Наари?

У Кивы перехватило дыхание, когда до нее дошло, что Типп обратился с вопросом к надзирательнице.

Заключенные *никогда* и ни о чем не должны спрашивать надзирателей.

А он, хуже того, *дразнил* ее.

С тех самых пор, как мать Типпа умерла, Кива старалась защищать его, но она не могла защитить его от всего. А теперь...

Наари оторвала янтарные глаза от лица юноши и прищурившись посмотрела на Типпа, который озорно улыбался, и на Киву, которая безуспешно пыталась скрыть страх. Но ответила лишь:

— Надо его подержать на случай, если он проснется.

Заклученный в легких Кивы воздух вырвался наружу, а от облегчения закружилась голова, хотя она и заметила, как

¹ Кошка-девятихвостка — плеть с девятью и более хвостами, обычно с твердыми наконечниками или узлами на концах, которые наносят рваные раны.

взгляд Наари скользнул к руке Типша, в которой тот сжимал скальпель — уже нагретый, с остро заточенным кончиком, раскаленным добела.

Конечно. Киве предстояло не только зашить раны юноши, но и вырезать на его руке метку. Оставался только решить, что делать первым. Однако, похоже, надзирательница уже все решила за нее; вблизи с ней Киве не оставалось ничего иного, кроме как потянуться за скальпелем. Иголка с мотком подождут, пока надзирательница не отойдет подальше.

— Я м-могу его подержать. — Типш обошел Киву и встал по другую сторону от мужчины. Он, похоже, и не заметил, как чудесным образом избежал опасности, и не обращал никакого внимания на предупреждающий взгляд Кивы, полный отчаяния.

— Тогда держи за ноги, — приказала ему Наари. — Этот парень выглядит сильным.

Сильным. От этого слова у Кивы внутри что-то перевернулось. Его ни за что в жизни не распределят на кухни или в мастерские. Можно даже не сомневаться: этого юношу ждут каторжные работы.

Он проживет месяцев шесть. Год, если повезет.

А потом умрет.

Кива не должна о нем переживать. Слишком много смертей она видела за последние десять лет, слишком много страданий. Судьба еще одного человека ничего не изменит. Он был всего лишь номером — Д24Л103, как значилось на металлическом браслете, который закрепили на его запястье следившие за ним в пути надзиратели.

Как только Кива провела скальпелем по тыльной стороне его левой руки, ей снова кольнуло бедро, но она не обратила на него внимания и только напомнила себе, почему она это делает. Почему она предает самую суть целительства и осознанно наносит людям раны.

«Мы в порядке. Береги себя. Мы придем».

С последней записки она больше не получала новостей от семьи, однако зима была в полном разгаре, и Кива понимала, что до весны, когда в тюрьму начнут свозить новых узни-

ков, ничего ожидать не стоило. Но она раз за разом прокручивала в голове их последнее письмо, их заверение, просьбу, обещание.

Кива делала то, что должна, — лечила людей, но и причиняла им боль. Она делала все, чтобы выжить. Все, чтобы дожить до того момента, когда семья придет за ней, когда она сможет сбежать.

Этот юноша... Вырезать метку на нем Киве было не так совестно. В отличие от многих других, он лежал без сознания, а значит, ей не приходилось видеть боль в его взгляде, не приходилось ощущать, как он дрожит под ее пальцами, не приходилось чувствовать себя чудовищем в его глазах. Хотя кто она, если не чудовище?

Типп все знал: он много раз видел, как Кива вырезает метку на ладонях бесчисленных заключенных, но ни разу не осуждал ее, а в его взгляде никогда не было ничего, кроме понимания.

Надзирателям же было плевать; они лишь хотели, чтобы Кива побыстрее справилась со своей задачей. Наари не была исключением, даже когда впервые увидела, как Кива вырезает метку. Впрочем, янтарноглазая надзирательница единственная не стала скрывать отвращения. Даже сейчас, когда Кива провела лезвием по коже юноши, Наари сжала зубы, кожаными перчатками вжимая плечи узника в металлическую кушетку на случай, если он проснется.

Кива работала быстро, и когда она наконец закончила, Типп уже был тут как тут с горшком сока баллико и чистой тканью наготове. Надзирательница безмолвно вернулась на свой пост у двери, как если бы удостоверившись, что новый заключенный не дернется и не испортит только что вырезанную «З» на ладони.

— Жаль, что его п-п-поранили, — произнес Типп, когда Кива перебинтовала юноше ладонь и перешла к другим ранам, которые надо было зашить и смазать антибактериальным соком.

— Почему это? — пробормотала Кива, слушая вполуха.

— Со шрамом он б-будет уже не таким красавчиком.

Иголка Кивы застыла над раной на правой грудной мышцей заключенного.

— Красавчик он или нет, Типп, он все равно мужчина.

— И что?

— А то, — продолжила Кива, — большинство мужчин — те еще свиньи.

Тишина свинцом разлилась по комнате, и только Наари у дверей тихо прыснула — как будто ответ Кивы ее *рассмешил*. Наконец Типп ответил:

— Я мужчина. И я н-не свинья.

— Ты еще маленький, — парировала Кива. — Вот подрастешь...

Типп фыркнул, словно она пошутила. Кива не стала ему ничего объяснять. Да, она надеялась, что Типп, когда вырастет, останется таким же чудесным и добрым, но вероятность этого стремилась к нулю. Единственным взрослым мужчиной, которого Кива когда-либо уважала, был ее любимый отец. Но... он был исключением.

Не давая ностальгии снова захлестнуть себя с головой, Кива быстро и без проблем зашила все остальные раны на животе и спине юноши, еще раз проверила, нет ли порезов на ногах, и перешла к лицу.

И когда она поднесла костяную иглу к его брови, юноша открыл глаза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Он рывком сел, и Кива отпрянула назад. Она не была уверена, кто из них удивился больше: она, он, Типп или надзирательница.

— Что за... — вырвалось у юноши. Его глаза лихорадочно метались по комнате. — Кто... где...

— Тише, — Кива подняла руки.

Его взгляд остановился на костяной игле, а затем парень заметил и кровь на руках Кивы — его кровь. В следующее мгновение он сорвался с кушетки и попятился прочь, как загнанное животное.

Зная, как быстро двигается Наари, Кива поспешила успокоить юношу, пока ситуация не приняла серьезный оборот.

— Ты в Залиндове. Тебя привезли раненым. А я, — она беспомощно повела окровавленными руками, — я зашивала твои раны.

Взгляд юноши остановился на надзирательнице. Кива заметила, что глаза у него голубые, с золотой каемкой вокруг зрачка. Потрясающие глаза, каких она еще никогда в жизни не видела.

Потрясающие глаза на потрясающем лице. Теперь, когда он проснулся, отрицать это не имело смысла. И все же Кива осталась верна своим словам: в ближайшее время в обморок она падать не планировала.

Увидев вооруженную надзирательницу, юноша как-то разом поник, словно все-таки осознал, где оказался, и, может быть, даже вспомнил, за что. Он остановился — хотя идти ему все равно некуда, позади уже был лабораторный стол, — его

взгляд метнулся от Наари к Типпу, который раскрыл рот и во все глаза смотрел на происходящее. Затем юноша оглядел себя, заметил, что одежды на нем почти нет, а раны, в том числе и свежая на руке, обработаны и перевязаны. И наконец, придя к какому-то выводу, он снова повернулся к Киве.

— Прости меня, — спокойным плавным голосом произнес он. — Я не хотел тебя напугать.

Кива удивленно моргнула. Потом моргнула еще раз.

— Э, да ничего страшного. — Кива чувствовала себя не в своей тарелке. Она ведь действительно стояла над ним с окровавленной иглой, когда он проснулся. Это она напугала юношу, а не он ее. — Тебе лучше сесть. Мне надо дообработать рану у тебя на лбу.

Он коснулся брови и поморщился, когда обнаружил шишку, а его пальцы окрасились в красный. Кива прикусила изнутри щеку, чтобы не отругать его. Теперь ей снова придется чистить рану.

Юноша побледнел, как будто пережитое напряжение разом нахлынуло на него, его охватило потрясение. Кива одновременно с Типпом бросились вперед и успели подхватить нового заключенного, как только у него подкосились колени.

— Не в-в-волнуйся. — Типп едва доставал юноше до груди, но все равно взял на себя изрядную часть его веса. — Мы т-тебя держим.

Кива тем временем всеми силами пыталась случайно не уколоть юношу иглой. Она сегодня и без того уже нанесла ему слишком большую рану.

— Извините... — Голос юноши изменился, стал тоньше. — Я... я что-то плоховато себя чувствую. — И он тихо застонал.

— Типп! — рявкнула Кива.

Он не хуже Кивы знал, что значит этот стон, и в тот же миг сорвался с места; Кива тихо закряхтела под свалившимся на нее весом заключенного. Она сумела дотащить его обратно до металлической кушетки и усадила как раз в тот момент, когда подбежал Типп с пустой бадьей. Едва Кива поставила бадью перед юношей, как он с еще одним тихим стоном наклонился, и его вырвало.

– П-пронесло, – улыбнулся Типп.

Кива не ответила. Только сжала покрепче бадью, пока юношу продолжало тошнить.

Она даже не удивилась. Черепно-мозговые травмы нередко сопровождала рвота. Ему полегчает, только когда она обработает его рану и напоит маковым молоком. Если бы он только пролежал без сознания еще несколько минут, тогда бы Кива успела все закончить и ему бы не пришлось терпеть последнюю процедуру.

Когда из юноши, похоже, вышло все, Кива помогла ему улечься и отдала бадью Типпу, который сразу же скрылся с ней за дверь.

– Извини, – проговорил юноша. Голос его ослаб, лицо было неестественно бледным.

– Хватит извиняться, – оборвала его Кива, не подумав. Он может извиняться сколько душе угодно. Какое Киве дело до того, что он делает и говорит?

Она подняла глаза на Наари и обнаружила, что надзирательница стоит на полпути между дверью и заключенным, будто сомневаясь, представляет ли юноша угрозу или нет. Учитывая, что заключенный даже сидеть сейчас не мог, Кива на этот счет не переживала, и ее взгляд был красноречивее любых слов. Надзирательница не стала возвращаться на пост у двери, но плечи заметно расслабила.

– Я сейчас быстро зашью рану, потом дам что-нибудь от боли, – сказала Кива. – А затем можешь идти.

Мысленно поблагодарив юношу, что тот закрыл глаза, Кива еще раз быстро прочистила рану и, наклонившись, внимательно ее осмотрела, чтобы прикинуть, как лучше ее зашить. Когда Типп вернулся с чистой бадьей, она тихо велела ему принести чистую одежду, и он тут же снова убежал.

Впрочем, как бы Кива ни зашивала рану, юноше все равно придется несладко, так что она сказала:

– Постарайся не дергаться. Будет чуть-чуть больно.

Юноша резко распахнул глаза, его голубо-золотые радужки встретились с Кивиными зелеными, и у нее перехватило дыхание. Секунды... минуты... она не знала, сколько времени

прошло, когда она наконец оторвала от него взгляд и сосредоточилась на ране. Юноша же продолжал рассматривать ее лицо — Кива чувствовала на себе его взгляд, пока раз за разом втыкала иголку в его кожу.

Он едва вздрогнул.

А вот ее сердце... забилося с удвоенной силой, когда она принялась накладывать швы.

Внутрь, наружу, обернуть, узел.

Внутрь, наружу, обернуть, узел.

Внутрь, наружу, обернуть, узел.

Кива дала знакомому ритму убаюкать себя, не забывая, однако, что юноша за ней наблюдает. Впрочем, лишь бы не дергался, тогда и Кива с собственным стеснением как-нибудь справится.

— Почти все, — успокоила она его, как успокаивала всех остальных пациентов.

— Все нормально. — Он помолчал и добавил: — У тебя хорошо получается. Я почти ничего не чувствую.

— Ей не впервой, — выпрыгнул из ниоткуда Типп. Кива вздрогнула, но, к счастью, его возглас застал ее хотя бы не посреди стежка.

— Типп, что я говорила...

— Извини! Извини! — воскликнул он. — Я вечно забываю, к-какая ты дерганая.

Кива не была *дерганой*, она сидела в *тюрьме смерти*. Тут каждый день на нервах.

— Готово. — Кива отрезала нить и смазала рану соком баллико. — Помоги ему сесть, Типп.

Она постаралась произнести последнюю фразу как можно небрежней, надеясь, что Типп не будет комментировать или спрашивать, почему Кива сама не может помочь юноше. На самом деле обычно она бы и без чужой помощи справилась. Но ее сердце до сих пор не успокоилось после того, как она всего лишь встретилась с юношей взглядами, и Кива рассудила, что будет разумнее держаться поодаль, насколько это возможно для лекаря. И не касаться его обнаженной кожи в ближайшее время.

– Сейчас дам тебе макового молока, а потом можешь...

– Никакого макового молока.

Он ответил так резко, что Кива снова невольно взглянула ему в глаза. Она нахмурилась:

– Я дам немного, просто чтобы облегчить боль. Оно и с головой тебе поможет, и... – Кива обвела рукой все его синяки, царапины и порезы, – и со всем остальным.

– Никакого макового молока, – повторил юноша.

В ответ на его непреклонный тон Кива медленно проговорила:

– Хорошо, тогда как насчет ангельской пыли? Я могу...

– Нет, ни в коем случае. – Он снова побледнел. – Мне... мне ничего не нужно. Все хорошо. Спасибо.

Кива внимательно пригляделась к юноше: заостренность спины, мышцы напряжены, как будто он готов вот-вот сорваться с места и броситься прочь. Интересно, с ним что-то произошло под воздействием этих лекарств или он получил передозировку? Или же знал кого-то с зависимостью? Так или иначе, вариантов у Кивы было немного: либо насильно запихнуть в юношу лекарство, либо уступить, пускай ему от этого и будет только хуже.

– Ладно, – согласилась Кива. – Но тогда прими хотя бы пепел корнеперца. Полностью боль он не снимет, но чуть-чуть поможет. – Она задумалась. – А если смешать его с крошívой от тошноты и орехом желтяка, чтобы он придал тебе сил, то, может быть, ты справишься... с тем, что тебя ждет.

Его золотая бровь изогнулась, но он не стал ни задавать вопросов, ни спорить с ее предложением. Вместо этого юноша только коротко кивнул. На его лицо медленно начали возвращаться краски.

Кива бросила взгляд на Типпа, и тот унесся собирать ингредиенты. Пепел корнеперца хорошо работал на наружных ранах, но если его перемолоть в пасту и принять внутрь, то и изнутри боль приглушал. Кива еще никогда не мешала его с крошívой и желтяком, но от запаха получившейся жижи сморщила нос и с сомнением посмотрела на юношу: уж наверняка он предпочтет маковое молоко с ореховым привку-

сом или карамельную ангельскую пыль, которые куда легче проглотить.

В ответ юноша без единого слова потянулся к каменному стакану и одним глотком выпил зелье.

Кива заметила, как Типп скривился, и едва удержалась, чтобы не сделать то же самое. А вот юноша лишь слегка содрогнулся.

— Оно, эм, должно подействовать через пару минут, — опешила Кива. Потом указала на серую рубашу со штанами, которые Типп сложил на краю металлической кушетки. — Это твое.

Она забрала у нового заключенного пустой стакан и понесла его к шкафу, пока Типп помогал юноше переодеться. Когда Кива разложила по местам все ингредиенты и больше не могла притворяться, будто она чем-то занята, она повернулась и обнаружила, что юноша уже одет и теперь все смотрят на нее в ожидании. В том числе и Наари.

Кива демонстративно посмотрела на надзирательницу:

— Кажется, теперь ваша очередь?

Она никак не могла понять, почему этот юноша так ее раздражает. Все ее инстинкты самосохранения буквально кричали. Кива никогда прежде не обращалась к надзирателям настолько прямолинейно. Безрассудство в этой тюрьме еще никому не помогло выжить.

Наари слегка приподняла темные брови, как будто слышала мысли Кивы и была полностью с ними согласна. Но не успела Кива придумать, как ей вымолить прощение и избежать наказания, как надзирательница сказала:

— Я назначаю тебя ввести его в курс дела.

Кива от удивления вздрогнула. Ее никогда не назначали наставником для новых заключенных. Может, когда-то давно, когда Кива еще работала в мастерской, но с тех пор как она стала лекарем — ни разу.

— Но... как же... — Кива примолкла и попыталась снова: — Мне надо за пациентами ухаживать.

Брови Наари взметнулись еще выше, она обвела взглядом пустой лазарет.

— Думаю, твои пациенты, — кивнула надзирательница на двух мертвецов, — подождут.

Кива имела в виду тех, кто лежал на карантине, но, заметив прямую как палку спину Наари, проглотила ответ. Все равно много времени это не займет. Она покажет новому заключенному Залиндов, выяснит, в какой корпус его поселили, и отдаст на попечение сокамерников. С утра ему назначат работу, а там кто-нибудь его перехватит.

— Ладно. — Кива взяла влажную ткань и принялась вытирать руки, все еще перепачканные кровью. Когда пятен почти не осталось, она направилась к двери из лазарета. — Иди за мной.

Типп тоже было шагнул вперед, но Кива оглянулась через плечо и нарушила его планы:

— Можешь сходить к Моту и сказать, что у нас нужно забрать парочку трупов? — Она кивнула подбородком в сторону двух тел.

Типп замешкался и смущенно опустил взгляд.

— Мот вряд ли сейчас м-мне обрадуется.

Кива замерла в дверях.

— Почему?

Типп смутился еще больше. Он перевел взгляд с Кивы на Наари, потом обратно, и Кива осознала: похоже, дело серьезное, раз Типп смог сдержаться и промолчать при надзирательнице.

Она вздохнула:

— Неважно, сама зайду. Проверишь тогда карантинную зону? Только маску надень и не подходи слишком близко.

— Это же просто т-т-тоннельная лихорадка?

— Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, — предупредила Кива и шагнула за дверь. Следом за ней двинулся юноша.

И... Наари.

Кива быстро оглянулась на надзирательницу и тут же отвернулась; ей стало неудобно. Она привыкла к тому, что надзиратели дежурили во всех зданиях — в лазарете куда реже, по крайней мере до недавнего всплеска бунтов, — но еще никогда она не видела, чтобы тюремщик настолько открыто пресле-

довал заключенных. В этом никогда не было необходимости. За Залиндовом круглосуточно следили со множества сторожевых башен, а территорию патрулировали с собаками, которые могли по одному свистку содрать с человека кожу.

В присутствии Наари Кива нервничала и задавалась вопросом: неужели этот парень на самом деле опаснее, чем кажется? Тогда тем более стоило поторопиться и расправиться с навязанной обязанностью.

Быстро поразмыслив, Кива повернула налево и направилась к ближайшему зданию; гравий у нее под ногами громко хрустел в вечерней тишине. Остальные заключенные скоро тоже начнут расходиться по корпусам, если они еще не вернулись. Но пока на тюремном дворе было тихо. Почти безмятежно.

— Как тебя зовут?

Кива резко взметнула взгляд и поняла, что юноша невозмутимо шагает рядом и смотрит на нее в ожидании ответа. Несмотря на израненное и избитое тело, несмотря на новую незнакомую обстановку, он выглядел совершенно и непостижимо спокойным.

Кива мыслями вернулась в свой первый день в Залиндове: как она вышла из лазарета, бережно прижимая к себе забинтованную руку, сознавая, что ее одним махом лишили семьи, свободы, будущего. Она не спрашивала, как кого зовут. Об этом она думала в последнюю очередь.

— Я тюремный лекарь, — ответила Кива.

— Это не имя. — Помолчав секунду, он представился: — Меня зовут Джарен.

— Нет, не зовут, — отрезала Кива, отвернувшись в сторону. — Ты Д24Л103.

Пусть думает что хочет, пусть вспомнит, как и почему она увидела и запомнила номер на его браслете. Он должен был чувствовать, должен был знать, что скрыто под повязкой у него на руке. О том, как помечают узников Залиндова, Кива слышала задолго до того, как ее посадили в тюрьму, а ей на тот момент исполнилось всего семь лет. Не может быть, чтобы этот юноша — *Джарен* — не знал о метках «3» до того, как

его кинули в тюремный фургон. Никому из заключенных Залиндова не дано было избежать этой участи.

Она ждала отвращения и гнева — обычно и то, и другое на Киву обрушивалось, пока она вырезала метку. Но новый заключенный лежал без сознания, так что его черед пришел только сейчас. Кива не стала даже морально готовиться. Все, что он мог сказать, она уже слышала, и не раз.

— Д24Л103, — наконец повторил юноша, изучая выгравированные на металлическом браслете символы. Его взгляд скользнул к повязке, как будто он мог видеть скрытые под ней два полукруга. — Сложновато. Давай лучше остановимся на Джарене.

Кива загнулась и, резко повернув к нему голову, увидела, что его голубо-золотые глаза светятся от радости.

Радости.

— Ты что, шутить вздумал? — прошипела Кива, как вкопанная встав на гравийной дорожке между лазаретом и ближайшим к нему каменным зданием. — Ты хоть понимаешь, где ты сейчас находишься?

Она раскинула руки, как будто это могло раскрыть ему глаза. Дневной свет постепенно угасал, сумерки опускались на обширные тюремные территории, и со всех сторон вздымались известняковые стены, ни на секунду не дающие забыть, что они заключены в этом месте, как крысы в клетке.

Радость в глазах Джарена потухла, его взгляд метнулся к Наари, потом обратно к Киве.

— Ты права. Извини. — Он потер шею; похоже, ему стало не по себе. — Наверное... я просто не знаю, как себя здесь вести.

Кива глубоко вдохнула, расправила плечи. Напомнила себе, что все по-разному преодолевают страх и неуверенность. Юмор — всего лишь один из способов справиться со стрессом, и, надо сказать, не самый худший. Нужно быть к этому юноше терпеливее.

— Поэтому меня и назначили вести тебя в курс дела, — смягчила Кива голос. — Я расскажу тебе все, о чем следует знать. Помогу выжить в этом месте.

— И как давно *ты* выживаешь в этом месте?

Она посмотрела ему в глаза.

— Достаточно, чтобы стать хорошим учителем.

Похоже, ее ответ его убедил, потому что Джарен не стал спорить и молча двинулся следом за Кивой, пока та не остановилась перед входом в ближайшее здание.

— Я решила, что первым делом мы сходим в место, которое станет потом для тебя последним.

Джарен одарил ее недоуменным взглядом, и Кива, кивнув в сторону темного дверного проема, закончила:

— Добро пожаловать в морг.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кива провела Джарена вглубь холодного каменного здания, наморщившись от едкого запаха, который пропитал все от стен до полов. На маленьком рабочем столе в дальнем конце квадратной комнаты курились благовония, но они не перебивали запах смерти — тошнотворную вонь испорченного мяса и прокисшего молока.

В середине комнаты виднелся водосток, а окружавшие его камни были покрыты красно-коричневыми пятнами. Узников Залиндова редко бальзамировали — такой чести обычно удостоивались только выходцы из состоятельных семей, родственникам которых позволялось забрать тела после смерти. Въевшийся запах тимьяна, розмарина и лаванды щекотал Киве ноздри, но судя по тому, что среди них не чувствовалось запаха вина, тут давно уже никого не бальзамировали.

Вокруг водостока на равном расстоянии друг от друга расположились каменные плиты, но несмотря на то, что трупов на них сейчас не было, смрад стоял такой, будто комнату под завязку забили телами. Служивший в морге заключенный, Мот, давно его не чувствовал, а вот надзиратели не выносили царившей здесь вони и редко задерживались на дежурстве надолго.

— Вечерочка, Кива, — поздоровался из-за стола Мот — сторбленный мужчина с редкими седыми волосами. — Помочь тебе чем?

Кива услышала, как рядом с ней Джарен прошептал ее имя, и мысленно вздохнула.

— Надо забрать двоих из лазарета, — ответила Кива старику.

В Залиндове Мот сидел относительно недолго, всего семнадцать месяцев. Для каторжных работ он был уже слишком стар, поэтому его сперва распределили в лазарет, однако смерть его зачаровывала настолько, что он и там больше мешал, чем помогал. Не единожды пациенты с простейшими недугами умирали в его смену. Дошло до того, что Кива в первый — и единственный — раз попросила смотрителя перевести заключенного куда-нибудь еще. Это оказалось только к лучшему: до приезда в Залиндов Мот работал аптекарем и, перейдя из лазарета в морг, за считанные месяцы стал его заведующим. Он даже благодарил Киву за то, что она вмешалась, говорил, что в морге снова чувствует себя как дома.

Кива до сих пор не знала, как ей ужиться с мыслью, что этого заботливого старичка посадили в тюрьму, как она позже выяснила, потому, что он намеренно ставил пациентам неверные диагнозы и испытывал на них новые лекарства, и многие из его подопытных от этого погибли. Впрочем, неважно, чем он занимался за стенами тюрьмы. Здесь у каждого были свои обязанности, и по очевидным причинам лазарету приходилось тесно сотрудничать с моргом.

— Двоих, гришь? — Мот зашуршал бумагами. — Что, лютует еще тоннельная лихорадка?

Кива покачала головой.

— Новые заключенные. Не пережили дорогу.

Мот посмотрел мутными глазами на Джарена. Наари осталась дежурить в дверях, и Кива ей позавидовала: воздух там был явно посвежее.

— А ты, парень, выходит, новенький? — Мот, захрустев суставами, встал.

Джарен взглянул на Киву, словно спрашивая, можно ли ему говорить. Похоже, он начинал понимать серьезность ситуации. Правда, на Киву ему явно полагаться не стоило. Однако она все равно быстро кивнула, и Джарен коротко ответил Моту:

— Да, сэр.

— Ха! — Мот воссиял, и в свете висевших на стенах люминиевых фонарей Кива с Джареном увидели его почерневшие зубы. — Слыхала, Кива? «Сэр». Вот оно, значит, «уважение»! — Он подмигнул Киве. — А он мне по душе.

— Мот...

— Ты к лекарю-то поближе держись, парень, — перебил Мот Киву. — Уж она-то о тебе позаботится. Точно тебе говорю.

Кива поджала губы в тонкую линию. Она не личный лекарь Джарена. Она тюремный лекарь, лекарь *всех* заключенных.

— Заберешь их до конца сегодняшней смены, Мот? — наконец процедила Кива.

Мот пренебрежительно махнул рукой:

— Конечно, конечно. Только кремации им придется подождать. Грендель уже всех на сегодня загрузила.

Киве было неважно, когда двух мужчин кремируют, лишь бы они не у нее в лазарете разлагались.

— Ладно. Типп сейчас занят карантинными пациентами, но если тебе вдруг понадобится помощь, можешь его позвать.

Мот прищурился.

— Типп?

Кива запоздало вспомнила, почему в морг пришла она, а не ее помощник. Она все еще не знала, что произошло, поэтому аккуратно ответила:

— Но и мешать он тебе тоже не будет.

— Ты знаешь, что учудил этот сорванец?

Взгляд Кивы метнулся к Наари, но надзирательница стояла к ним спиной, глядя наружу. Слушает она или нет, сказать было сложно.

— Может, не стоит...

— Да меня из-за него сердечный приступ чуть не хватил! — сердито нахмурился Мот. — Сама знаешь, глаза у меня уже не те. Ну вот как мне было увидеть, что он спрятался под одним из покойников? — Старик насупил еще сильнее. — Я только подойди, а этот мальчишка как вскочит вместе с трупом, как замашет его руками, как заорет на меня! Я решил было, будто мертвые встать да отомстить удумали!

Кива услышала, как Джарен закашлялся, но не рискнула взглянуть в его сторону, поскольку и сама едва сдерживала рвущийся наружу смех.

— Я с ним поговорю, — со всей серьезностью пообещала Кива, когда достаточно успокоилась. — Больше такого не повторится.

— Уж будь добра, — проворчал Мот. — Еще одного такого сюрприза мое сердце не выдержит. — И запоздало добавил: — Да и к мертвым хоть толику уважения надо иметь.

Что правда, то правда, и Кива действительно собиралась поговорить на эту тему с Типпом. Не только ради Мота, но и ради самого мальчика. Если бы его поймали... Если бы он попался надзирателям... из морга бы уже не вышел.

Киву охватил холод, но она отбросила эти мысли в сторону и еще раз пообещала Моту, что серьезно поговорит с Типпом. В ответ Мот пообещал тут же забрать покойников. Получив, что хотела, Кива вместе с Джареном направилась к выходу. На улице они оба глубоко вдохнули свежий воздух.

— А он с характером, — отметил Джарен.

Кива промолчала и быстро взглянула на Наари, но по лицу надзирательницы нельзя было угадать, слышала она о проделке Типпа или нет. Если слышала, Киве оставалось только надеяться, что она не станет на него доносить. Смотритель уже прощал кое-какие глупости Типпа, но тогда у Кивы было что обменять на его безопасность. Однако в последнее время тюремные слухи до нее почти не доходили, а значит, у Кивы не осталось козырей — только неприятное чувство где-то в желудке.

Оглядевшись, Кива отбросила грызущее ее беспокойство и поразмыслила, куда им направиться теперь. Она попыталась даже вспомнить собственный первый день. Что она видела, что слышала, какие запахи чувствовала... но все это стерлось из памяти. Остались только эмоции.

Страх.

Горе.

Беспомощность.

Эта мощная смесь заглушала все остальное.

А вот Джарен, похоже, ничего подобного не испытывал. Пожалуй, он выглядел настороженным. Определенно — неуверенным. И тем не менее... он смотрел на нее с любопытством и терпеливо ждал, что еще она скажет или сделает.

Кива решила, с чего начать.

— Что бы ты ни слышал о Залиндове до этого, забудь. — Она повернула налево, всеми силами стараясь не обращать внимания на хруст под ногами Наари, продолжавшей идти за ними следом.

— Я слышал, что это тюрьма смерти, — принялся перечислять Джарен. — Что мало кто выбирается отсюда живым. Что тут сплошные убийцы и мятежники.

Кива еле удержалась, чтобы не кинуть взгляд на Наари и не сказать ей, что именно поэтому ей нельзя доверять новых заключенных.

— Ладно, да, это можешь не забывать, — признала Кива.

— Ты убийца? — полюбопытствовал Джарен. — Или мятежница?

Кива дернула уголком рта, одним только видом насмеялась над ним.

— Если ты хочешь прожить хотя бы ночь, никогда не спрашивай у других, за что их посадили. Это невежливо.

Джарен внимательно взгляделся в Киву, а потом перевел взгляд обратно на гравийную дорожку. Он прижал руку с меткой к животу, тем самым впервые за вечер выдал боль, — хотя Кива сомневалась, что больше всего у него болит рука.

— Тебе не интересно, что я сделал? — тихо спросил он.

— Запомни кое-что о Залиндове, — сообщила Кива. — Кем бы ты ни был там, — она указала за известняковые стены, — здесь это не имеет ни малейшего значения. Так что нет. Мне не интересно, что ты сделал, потому что это совершенно неважно.

Она врала им обоим, но Джарен слишком плохо ее знал и не мог распознать в ее голосе ложь, так что не стал развивать тему.

Медленно выдохнув, Кива остановилась перед следующим после морга зданием. Его каменные стены тоже уже

почернели, а земля рядом со входом была покрыта пеплом. Из крыши торчали две огромные трубы, и из одной шел слабый дым.

— Два крематория Залиндова, — равнодушно объяснила Кива. — Большую часть заключенных здесь сжигают, чтобы болезни не распространялись. — Она указала на вторую трубу, которая не дымилась: — Вторую печь разжигают, только если первая сломается или ее будет мало — например, в случае эпидемий и массовых казней.

Джарен удивленно поднял брови.

— И часто такое случается?

— Эпидемии? Иногда.

— Нет. — Его взгляд был прикован к дыму, лениво поднимающемуся ввысь. — Казни.

Кива ответила, не смея взглянуть на Наари:

— Каждый день.

Джарен повернулся к Киве, на его лице застыла непроницаемая маска.

— А массовые?

— Не так часто, но тоже бывают. — Кива почти обрадовалась, что Джарен ее об этом спрашивает. Он должен понимать, что его ждет, если он сделает хоть шаг в сторону.

Он всмотрелся в ее лицо, и Кива не стала отворачиваться. Она надеялась, что он поймет по ее взгляду, насколько она серьезна, осознаёт, какая опасность их подстерегает каждый день, каждую секунду.

В конце концов Джарен кивнул, слегка поморщившись от боли:

— Понял.

И Кива поверила ему. Она заметила новую складку меж его бровей, тень на его лице, упавший на плечи груз.

Может быть, он все-таки выживет.

...По крайней мере, пока его тело не сломается под напором уготованной ему работы.

— Пойдем, нам еще много всего осмотреть надо. — Кива двинулась к центру тюремного двора.

Гравий под ногами сменила жухлая трава и грязь, а Кива тем временем размышляла, как лучше всего будет сориентировать Джарена.

— Залиндов построен в форме шестиугольника, — начала она, пока они шли. — Шесть толстых стен, по которым ходят патрули, и шесть сторожевых башен в полной боевой готовности по углам. — Кива махнула рукой в сторону ближайшей видимой башни, потом указала себе за спину. — Судя по тому, в каком состоянии ты прибыл в лазарет, конец поездки ты был без сознания? — Когда Джарен кивнул, Кива продолжила: — Тогда ты пропустил самое интересное. Перед железными входными воротами, перед фермами, каменоломней, лесным складом и всем, что находится за этой стеной, лежит еще одна стена с восемью сторожевыми башнями. Там тоже круглосуточно ходят патрули. С собаками. — Она убедилась, что Джарен внимательно слушает, и предупредила: — Даже не пытайся сбежать. Еще ни одному заключенному не удалось выбраться за обе стены живым.

Джарен не ответил. Похоже, он наконец-то начал понимать, где оказался. Лицо, к которому, казалось, только вернулся цвет, снова побледнело — хотя, возможно, на Джарена просто вновь накатила боль. Кива не представляла, сколько еще продержится ее лекарство. Скорее всего, долго Джарен не простоит.

— Внутри тюрьмы есть еще четыре башни, — рассказывала Кива, пока они подходили к пугающему каменному зданию, похожему на возносящийся к небу прямоугольник с открытой платформой сверху. На платформе виднелось двое надзирателей, но Кива знала, что внутри их еще больше. — С этих десяти башен, включая шесть по периметру стен, весь внутренний двор видно как на ладони. За нами всегда кто-то следит, не забывай об этом.

И снова Джарен не ответил.

Кива продолжала вести его дальше, пока они не подошли к центру двора настолько близко, насколько возможно.

— Лазарет, морг и крематорий находятся у северо-западной стены. — Кива указала в сторону, откуда они пришли. — Если идти вдоль нее, придешь к мастерским. Там найдешь все: от швей до управляющего отдела. Если пойти в другую сторону, направо от лазарета, упрешься в псарни, центральные казармы, где ночует большинство надзирателей, и приемный блок перед входом — там принимают новых заключенных.

Джарен, прищурившись, взгляделся в сумерки; боль нарастала, и ему было сложно сосредоточиться.

— И там же можно встретиться с нашими посетителями? Его вопрос застал Киву врасплох.

— К заключенным не пускают посетителей.

— Как, вообще? — резко обернулся к ней Джарен. Он слегка покачнулся, и Кива чуть не протянула руку, чтобы схватить его. — То есть... Ты так и не сказала, как давно ты тут.

Кива пожала плечами и отвернулась. Ее реакция говорила сама за себя.

— Мне жаль, Кива.

Эти три слова, сказанных тихим, нежным голосом, чуть ее не уничтожили. Три добрых слова от незнакомца, а у нее уже слезы на глаза наворачиваются. Неужто она так низко пала?

«Мы в порядке. Береги себя. Мы придем».

Нельзя давать слабину перед Джареном, и уж точно не перед Наари. Она должна оставаться сильной — ради семьи.

Сквозь тяжесть в груди Кива выпрямила спину и твердо ответила:

— Нечего меня жалеть. Я лекарь, и, если понадобится, помогу тебе и другим заключенным, но я, как и все, оказалась здесь не просто так. Мы все тут убийцы и мятежники. Ты же сам так сказал.

Джарен некоторое время молчал, а потом медленно выговорил:

— Значит... никаких посетителей.

Кива сухо кивнула.

— Невелика потеря. Я бы все равно не хотел, чтобы ко мне родственники приезжали. — Джарен коротко усмехнулся. — Да и они вряд ли горят желанием меня увидеть.

В Киве вспыхнула искра любопытства. Похоже, Джарен не очень-то ладил с семьей, и Киве подумалось, что, возможно, именно это и привело его сюда. Но потом она заметила, что Джарен до сих пор внимательно за ней наблюдает, и поняла, что он ее отвлекает, дает время взять себя в руки, распахивает дверь к разговору, которую она могла либо оставить открытой, либо захлопнуть.

Но... почему он это делал?

Вот поэтому Кива и не любила вводить новых заключенных в курс дела. Ей приходилось с ними *разговаривать*. Проводить с ними время. Узнавать их. Она бы с гораздо большим удовольствием сидела в лазарете в полном одиночестве и пересекалась с людьми, только когда у них что-то болит. А вот это все... Ей это было не по душе.

Закрыв предложенную дверь, Кива незамедлительно вернулась к своим обязанностям.

— Я сегодня не успею тебе все показать, да и ты наверняка большую часть забудешь, — проговорила Кива. С одной стороны, ей хотелось избавиться от Джарена поскорее, а с другой — не хотелось тащить его на себе до корпуса, потому что он до сих пор пошатывался. — А еще многое зависит от того, какая работа тебе достанется, а распределят тебя только завтра.

Пройдя несколько шагов, Кива остановилась перед купольным зданием из камней разной формы и шлепнула ладонью по его стене.

— В нерабочие часы заключенные могут ходить где угодно, так что, если вдруг потеряешься, ищи четыре внутренние башни. Иди к центру между ними, и окажешься здесь, прямо в сердце Залиндова. Отсюда уже сможешь сориентироваться, куда идти дальше.

— А это что? — Джарен осматривал здание странной формы.

— Вход в тоннели, — ответила Кива.

— Я о них слышал. — Джарен поднял незабинтованную руку ко лбу, словно пытался облегчить боль. — По-моему, это глупо. Они же будто так и предлагают сбежать.

Кива фыркнула, и Джарен удивленно к ней повернулся. Она тут же напустила серьезный вид.

— Там внизу настоящий лабиринт, целые километры тоннелей. Даже если и найдется глупец, который рискнет через них сбежать, наружу он уже вряд ли выберется. К тому же, — добавила Кива, — большая часть тоннелей хотя бы частично, но заглоблена.

— Главный залиндовский водоем, — вспомнил Джарен.

— В этой тюрьме больше трех тысяч заключенных, — отметила Кива. — Без воды мы умрем. — Она дернула головой в сторону полукруглого здания. — Снаружи, конечно, не впечатляет, но это только вход. Все самое важное происходит под землей: там копают тоннели и оттуда же из подземного водоема качают воду.

Кива не стала упоминать, что работа в тоннелях и на насосной станции самая тяжелая в Залиндове. На третьем месте после них шла каменоломня, а затем лесной склад и фермы.

— Так, забудь пока о тоннелях и послушай меня, а не то потеряешься, — заявила Кива, заметив, что глаза Джарена постепенно мутнеют. Она повернулась и вытянула руку: — Лазарет там. — Развернулась против часовой стрелки и указала в другую сторону: — Казармы, приемный блок, главные ворота. — Еще один разворот. — Фабрика по сбору и сортировке зерновых и других культур, а за ней склад люминия. — Еще разворот. — Кухни и столовая. — Подумав, она добавила: — График питания тебе выдадут завтра вместе с распределением. Обеды не пропускай. Пайки у нас скудные, тем более зимой, а тебе понадобятся силы.

Кива дождалась, пока Джарен ответит ей согласным бормотанием, и повернулась снова.

— Корпуса находятся за столовой. Туда мы сейчас с тобой и пойдем. Всего корпусов десять, примерно по триста человек в каждом.

Джарен удивленно раскрыл глаза.

— По триста? И все спят в одном здании?

— Ты просто пока уборные не видел. Тебя ждет море удовольствия.

При виде ужаса, застывшего на лице Джарена, Киве даже стало его жалко.

– Ты привыкнешь. В каждом корпусе по четыре этажа, так что на этаж приходится всего человек сто. Да и к тому же через день или два ты уже будешь так уставать, что тебе будет плевать.

Джарен скривился:

– Это ты меня так успокаиваешь?

На этот раз Кива все-таки взглянула на Наари: неужели она до сих пор не поняла, почему Киве нельзя верить новых заключенных? Но надзирательница откровенно веселилась и даже не пыталась это скрыть.

Кива повернулась обратно к Джарену и как могла постаралась ободрить его:

– Что бы я тебе ни рассказала, ты все равно не будешь готов к тому, что тебя ждет. Извини, но ты в Залиндове. Эта тюрьма доведет тебя до предела и выжмет все, что останется после. Но выжить возможно. И я живое тому доказательство.

Джарен, глядя Киве прямо в глаза, спросил:

– Поделишься секретом? Как ты выживаешь?

Она поразмыслила прежде, чем ответить.

– Мне есть ради чего жить. Ради чего бороться. Подобное привязывает к этому миру, каждое утро заставляет снова вставать. Разжигает желание жить. И иногда только это желание и имеет значение. Потому что если сдашься тут, – Кива указала на свое сердце, – то считай, ты уже мертв.

Он склонил голову набок.

– И что это? Ради чего ты живешь?

Кива подняла бровь.

– А это тебя уже не касается. – Она снова двинулась вперед. – Давай отведу тебя до корпуса. Поспишь несколько часов – сразу себя лучше почувствуешь.

– Прости, но что-то я сомневаюсь, – сухо ответил Джарен.

Кива прекрасно знала, что его избитое и израненное тело за ночь только сильнее задеревенеет и с утра Джарен будет чувствовать себя ужасно. Тем не менее хороший отдых точно пойдет ему на пользу.

— Иди за мной, — только и сказала она.

Джарен и Наари некоторое время молча следовали за ней; грязь под тремя парами ног снова сменилась хрустким гравием, температура падала, с губ срывались облачка пара. В горах вокруг Залиндова снег лежал везде, но до самой тюрьмы доходил редко. И все же холод стоял безжалостный, и землю часто сковывал лед. Хуже всего бывало после солнцестояния, которое должно было наступить через неделю. Кива уже морально готовилась к тому, сколько ее ждет пациентов, страдающих от перемены погоды.

Они почти дошли до корпусов, когда Джарен указал на северо-восточную стену.

— Ты не рассказала, что находится в той стороне.

Наари громко откашлялась, и Кива затихла, гадая, должна ли она отвечать Джарену. Но надзирательница молчала, так что Кива все-таки призналась:

— Там Бездна.

— Бездна?

— Штрафной изолятор Залиндова.

В голосе Джарена явственно слышалось недоверие:

— То есть сперва с нас три шкуры дерут, а потом еще и наказывают?

Он не знал и половины, а Киве очень не хотелось ему все это рассказывать. Но его следовало предупредить, и поэтому она дотронулась до рукава Джарена, останавливая его, прищурилась от тусклого света и посмотрела ему в глаза. Не считая люминиевых фонарей на сторожевых башнях, которые надзиратели могли направлять куда угодно, с приходом ночи Залиндов погружался в полную темноту, а пока они шли от центра тюрьмы, солнце успело почти сесть.

— Никому не известно, что происходит в Бездне, — серьезно заявила Кива. — Но все знают, что там ужасно. Ответственные за изолятор надзиратели славятся своей... изобретательностью. — Она дала Джарену время уложить ее слова в голове. — Многие заключенные оттуда не возвращаются, а если и возвращаются, то уже никогда не становятся прежни-

ми. Так что если тебе еще дорога жизнь, постарайся туда не попасть. Понял?

К счастью, Джарен не стал спорить и задавать вопросы.

— Понял.

Кива взглянула на Наари и со всем уважением, на которое только была способна, уточнила:

— В какой корпус его поселили?

— В седьмой. Третий этаж.

Кива сжала зубы и повела их к седьмому корпусу. Ну, конечно, его поселили в ее корпус. Хотя бы этажи разные — он на этаж выше.

Когда они дошли до длинного прямоугольного здания, в котором теперь жили они оба — и триста других заключенных, — Кива остановилась перед огромными входными дверями.

— Поднимайся по лестнице слева, там попроси, чтобы тебе дали койку на третьем этаже, — объяснила она Джарену. — Душевые и уборные в дальнем конце коридора на первом этаже. Воду не греют, так что мойся быстро и не намочи одежду, а то простудишься. — Она заставила себя взглянуть ему в глаза и добавила: — И спальни, и душевые общие для мужчин и женщин, так что существует негласное правило уважать других. Надзиратели за этим не следят, но тут и так сложновато жить: вечно приходится переживать, как бы на тебя не напали. Поэтому заключенные стараются присматривать друг за другом.

Брови Джарена сошлись на переносице.

— Звучит не очень надежно.

— Так и есть, — согласилась Кива. — Но заключенных обычно можно не опасаться. Как я уже говорила, они и без того слишком устают.

— А надзиратели? — спросил внимательный Джарен.

Кива отвернулась, ее рука отозвалась болью на воспоминания.

— Они устают меньше.

Когда Кива снова повернулась к Джарену, челюсти у него были крепко стиснуты.

— Они когда-нибудь... тебя...

— Еще один вопрос, который лучше никогда не задавать, — решительно перебила его Кива. Она ни на секунду не забывала, что буквально в нескольких шагах от них застыла тихая Наари.

Джарен, похоже, сначала собирался заспорить, но потом поднял здоровую руку, взъерошил волосы и вместо этого спросил:

— Что еще мне стоит знать?

Кива посмотрела ему прямо в глаза.

— Много всего, но запомни только одно. В Залиндове можно полагаться только на себя.

И с этими словами Кива развернулась на пятках и направилась обратно в лазарет. С наставничеством покончено.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Я слышал, один из новых заключенных выжил, — произнес смотритель Рук, потягивая янтарный напиток из хрустального стакана. Гордый, высокий, он стоял у окна на вершине южной стены и смотрел вниз на тюремные территории. У большинства надзирателей были собственные комнаты в казармах, однако смотритель жил выше всех. И наблюдал, всегда внимательно наблюдал. — А его спутники?

Кива, неподвижно сидевшая в приемной смотрителя, покачала головой. С тех пор как она оставила Наари и Джарена у дверей тюремного корпуса, не прошло и часа.

— Оба мертвы.

— Хм... — промычал Рук и помешал напиток в стакане.

У него была темная кожа, коротко стриженные волосы и небольшая борода. Внешне он мало чем отличался от других дородных надзирателей, если бы не чувствующаяся в нем властность и не вертикальный шрам на правом глазу, похожий на перерезанный алмаз. Довершала образ черная кожаная форма с начищенными до блеска сапогами.

— Выживший был весь в крови. Раны серьезные?

Аккуратно, чертовски аккуратно, чтобы не выдать ничего лишнего, Кива ответила:

— Со временем выздоровеет.

Смотритель Рук улыбнулся, и в уголках его темных глаз показались морщинки.

— Хорошо. Это хорошо.

Еще один трудоспособный мужчина. Больше смотрителя ничего не интересовало. Какая разница, что Залиндов трещит по швам даже несмотря на высокую смертность.

За десять лет, которые Кива провела в тюрьме, она уяснила: смотритель не злой человек, он просто прагматичный и хладнокровный. А еще он держал в руках власть — невероятную власть, бок о бок с которой всегда шла тяжелая ноша ответственности. Он заведовал Залиндовом и, соответственно, отвечал не перед одним королевством, а перед восемью, ведь все они ссылали приговоренных граждан под его надзор. И все же, пусть смотрителю и приходилось подчиняться приказам правителей восьми государств, в остальном тюрьма со всеми заключенными и надзирателями была полностью в его распоряжении. Как и что он делал, никого не касалось.

Кива не питала к смотрителю Руку любви. Она хранила ему верность лишь для того, чтобы выжить, только и всего. И все же Кива знала, что и она, и другие заключенные способны на гораздо худшее. У Рука имелись хоть какие-то моральные принципы или хотя бы их подобие. Кива не хотела даже представлять, что бы случилось, встань во главе Залиндова Мяник, Кость или еще какой-нибудь жестокий надзиратель. От тюрьмы бы не осталось ничего, кроме крови да пепла.

— Есть еще что рассказать, Кива?

Смотритель внимательно наблюдал за ней. Кива знала, что он умен. Как по ней, так даже слишком. Он жил и работал среди худших из людей и давным-давно научился видеть их насквозь. Научился видеть насквозь *ее*.

— Заключенные недовольны, — ответила Кива. — Но вы и так это знаете.

Вздыхнув, Рук глотнул еще напитка.

— В это время года всегда приходится туго. Они страдают от голода. Холода. Усталости. Я мало что могу с этим поделать.

Кива бы не согласилась, но промолчала. Смотритель мог дать заключенным пайки побольше, теплую одежду и одеяла, сократить время работы. Но узникам не положено наслаж-

даться жизнью. Они здесь не на каникулах. Их посадили в Залиндов, чтобы они работали, а потом умерли.

— А что насчет мятежников? — спросил Рук.

Кива заерзала под его пристальным взглядом.

— Во главе мятежников все еще стоит Креста? — намекнул он.

Облизнув губы, Кива медленно кивнула и проговорила:

— Насколько мне известно.

Рук прищурился и повторил:

— Насколько тебе известно?

Кива заставила себя взглянуть ему в глаза.

— Я мятежникам не нравлюсь. Особенно Кресте. — И Кива не могла их винить. Хотя и вопреки своему желанию, но она была доносчиком Рука и сполна заработала их презрение. — Они не извещают меня о смене лидеров. И о своих планах тоже.

Никогда прежде Кива не проявляла подобную твердость, но после многолетних встреч с Руком она чувствовала себя с ним гораздо спокойнее, чем с любым из надзирателей. У нее была на то причина, пусть даже Кива и знала, что верность еще не гарантирует безопасность.

Смотритель потер висок.

— Кива, ты знаешь: я тебя уважаю. Можно сказать, ты мне дорога. Ты множество раз доказывала, что не лишена способностей лекаря, и долгой службой заслужила мое уважение. И поэтому я должен тебя предупредить.

Кива собралась с духом.

— Скоро мне потребуется от тебя больше информации, — продолжал Рук. — Тюремные мятежники начинают доставлять массу проблем. Я могу только предполагать, связана ли их активность с тем, что мятежная армия снаружи с каждым днем разрастается и подступает все ближе. Эта их «королева» ведет их на погибель. Глупцы, — Рук покачал головой, словно ему было их жаль.

Сердце Кивы заколотилось чаще. Каждый раз, слыша новости о внешнем мире, она до боли хотела еще. Последние десять лет до Кивы лишь урывками доносились вести о том, что

происходит за стенами Залиндова. Когда Кива только-только приехала в тюрьму, мятежники были не более чем бродягами, одержимыми поиском давно потерянной королевы, которая якобы, как они перешептывались, являлась законной наследницей престола. И если королевская стража ловила кого-то на столь изменнических заявлениях, ничем хорошим это не заканчивалось. Уже в тюрьме Кива слышала, что королева перестала скрываться и встала во главе мятежа, и жаждала она лишь одного: мести. Не справедливости, не возможности обсудить, действительно ли корона принадлежит ей. Нет, Мятежная королева хотела отомстить за все, чего ее лишили. За все, что она потеряла. За королевство и власть, которые должны были принадлежать ей с рождения.

Из тех крупиц информации, что дошли до Кивы за последние пять лет, Мятежная королева начинала медленно, очень медленно брать верх.

Рук считал их глупцами. Кива не разделяла его мнение.

— В них есть силы, искра, которая разгорается все больше, — смотритель продолжал говорить о заключенных в тюрьме мятежниках. — Может, пока она еще совсем маленькая, но даже малейшая искра способна дать начало пожару. Я хочу этого избежать. Ради них же самих.

Кива содрогнулась, поймав его взгляд. Мятежников в Залиндове мигом лишат жизни, если Рук или надзиратели хотя бы заподозрят их в заговоре. Неважно, что они задумают — побег, бунт или же просто будут набирать людей. Если они проявят себя хоть как-нибудь — как угодно, — их судьбы предопределены.

Киве их даже было не жаль. Стоило быть умнее, не высовываться, не привлекать внимание смотрителя. Она считала, что они сами себе вырыли могилу. Должно быть, Рук все прочел по ее лицу, потому что он снова вздохнул, на этот раз громче.

— Просто... постарайся узнать побольше к нашей следующей встрече, — проговорил Рук. Залпом допив остатки напитка, он поймал ее взгляд и закончил: — Сколь бы умелым лекарем ты ни была, я всегда могу найти в лазарет кого-нибудь

еще. Твоя значимость в том, что ты можешь мне рассказать. Мне нужна информация, Кива. И ценная.

Он снова отвернулся к окну: по-видимому, на сегодня все. Один из надзирателей проводил Киву до выхода со стены. Сердце тяжело стучало у нее в груди, желудок завязался в узел.

Она не могла дать Руку то, чего он хотел. Она ему не со-
врала: залиндовские мятежники ненавидели ее, держали за простого шпиона смотрителя. И Креста, которая, возможно, стояла во главе мятежников, в жизни бы ничего Киве не рассказала.

Но Кива все равно собиралась, как и обычно, исполнить приказ смотрителя. Она хотела дожить до завтрашнего дня. Она обязана была дожить, если хотела вновь увидеть семью. Она сделает все, чтобы добыть Руку необходимую информацию, чего бы ей это ни стоило.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Джарена распределили на работу в тоннелях.

Киве сообщил об этом Типп; как только она тем вечером вернулась в лазарет, мальчишка тут же убежал напрямиком в их корпус, чтобы уложить новичка на соседнюю с собой койку и шепотом рассказать ему все тайны, предупреждения и под-сказки, которые не сумела дать Кива.

Она повторяла себе, что Джарен для нее всего лишь один из множества заключенных, что она не хотела и не нуждалась в новостях Типпа. Так как Джарена назначили работать в тоннелях, не было смысла тратить время и силы на общение с ним, даже если бы очень хотелось — а Киве не хотелось. У нее и без того было дел по горло, а ему до смерти оставались считанные дни. Она знала, что шансов выжить у Джарена немного: тридцать процентов тоннельщиков умирали в первые шесть недель, а еще пятьдесят протягивали в лучшем случае три месяца.

Джарен все равно что ходячий мертвец.

Обидно, наверное, но жизнь в Залиндове сурова.

Поэтому Кива решила выкинуть из головы мысли о неизбежной смерти Джарена и просто радовалась, что его приезд вернул ей помощника. Типпа не стали переводить обратно на кухни, так что теперь он помогал Киве с карантинными больными. Она подозревала, что этому поспособствовала Наари, хотя сама надзирательница не появлялась в лазарете с тех пор, как Кива провела Джарену экскурсию по тюрьме. Кива почти скучала по несгибаемой женщине, особенно когда в двелях дежурили Кость или Мясник. Иногда, впрочем, надзира-